

11 декабря Александру Солженицыну исполнилось 78 лет

Почему Солженицын не покинет Россию

Статья из журнала «Комментарии»

В поисках самого несправедливого, но зато и самого вдумчивого исследования русского характера лучше всего обратиться к Джозефу Конраду. Великий писатель был русофобом. Проблемы, хотя бы и самые слабые, взаимной симпатии между русскими и поляками отыскать и вообще нелегко, но в случае Конрада к этому добавлялась еще и вражда. Россия сделала его сиротой. За участие отца Конрада, литератора-поденщика, в польском восстании 1863 г. семья была сослана в Сибирь. Там мать Конрада заболела чахоткой и умерла, а четыре года спустя от той же болезни умер отец. Будущему писателю было тогда одиннадцать лет.

Обида не стала для Конрада наваждением, но она сохранялась и при случае всплывала. Россия, писал Конрад в 1905 г. в эссе «Самодержавие и война», посвященном, на первый взгляд, русско-японской войне, «была злополучным государством в краю, где царил дух зла», «бездонной пропастью, поглощавшей всякую надежду на сострадание, всякое устремление к человеческому достоинству, свободе, знанию, всякое благородное побуждение сердца, всякий шепот совести».

Даже революция не могла тут помочь: «Какая бы форма потрясения ни положила конец самодержавной России, революция эта никогда не будет иметь для мира плодотворных моральных последствий. Она не может быть ничем иным, как восстанием рабов». Несомненно, именно этим и оказалась русская революция 1917 года — восстанием рабов, поработивших и державших в рабстве все остальное население страны и большинства стран Восточной Европы на протяжении более 70 лет.

Для Конрада Россия была еще одной страной в «сердце тьмы», только на сей раз в холодном климате. В своем «Тайном агенте» он избрал местопребыванием своего главного героя Верлока русское посольство в Лондоне, а заданием ему — взрыв Гринвичской обсерватории, который убивает его собственного слабоумного беднягу-шурин и приводит в действие всю безумную логику этой книги.

А в романе «Глазами Запада», отнюдь не самой знаменитой или самой благополучной, но при этом одной из самых блестящих его книг, предстает поразительная человеческая комедия, в центре которой русский характер: он-то и становится главной темой Конрада.

Если верить герою, мнимому англичанину, преподающему иностранцам в Женеве английский язык (от его лица и ведется рассказ в этой книге), русская простота — это «ужасная, растлевающая простота, где мистические фразы прикрывают наивный и беспомощный цинизм». В России совершенно невозможно «отличить негодяя от человека необычайно способного». (Сразу приходят на мысль Михаил Горбачев или Борис Ельцин.)

В 1911 г., когда вышел роман «Глазами Запада», Эдвард Гарнет, муж знаменитой переводчицы с русского Констанс Гарнет, человек, друживший с Конрадом и долгие годы его поддерживавший, обвинил писателя в предвзятости суждений. Конрад заявил в ответ, что Гарнет «обрусел» до того, что не увидит истины, «пока запах шей не ударит ему в ноздри, мгновенно пробуждая в нем глубокое почтение».

И действительно, есть в книге «Глазами Запада» некоторые русские персонажи — в данном случае это женские характеры, — чьи воззрения Конрад высмеивает и даже, случается, презирает, но чьей серьезности и даже героизму он воздает должное. Эти героини способны выйти за рамки своей личности, отдавая себя делу воистину безнадёжному, вроде уменьшения скорбей в этом безжалостном мире или поиска истины в недостойном. И, читая этот роман, чувствуешь,

что только Россия способна рождать людей, которые готовы противопоставить себя безграничному серому равнодушию мира и мраку зла, — только Россия способна из самых глубин своего варварства рождать нравственных гигантов.

Джозеф Конрад не только понял бы Александра Солженицына, но и испытал бы, думается мне, искушение ввести его в один из своих романов. Солженицыну присущи размах, глубина и нравственное величие, которые в наивысшей степени подогревали воображение Конрада. Он находится на вершине конрадовской шкалы ценностей, ибо способен на то, что было для Конрада испытанием на подлинность, — стремление жить в согласии со своими убеждениями, приносить им себя в жертву, делая их неотделимыми от самого своего существа.

Все крупные герои Конрада — одиночки, люди, избравшие занятия или образ мысли, которые ставят их особняком. Но кто же мог чувствовать себя более одиноким, чем Александр Солженицын на протяжении двадцати с лишним лет своего подпольного писательства в Советском Союзе? Разве что тот же Александр Солженицын, живший на протяжении восемнадцати лет в ограде своего дома в Кавендише (штат Вермонт) после того, как был выслан из СССР. И там и здесь он трудился над осуществлением добровольно взятой им на себя задачи ниспровержения коммунизма — задачи, успешное выполнение которой, боюсь, превзошло бы фантазию Джозефа Конрада или любого другого прозаика или поэта. Даже слово «героическое» не кажется достаточно сильным для оценки этого свершения.

Родившийся в 1918 г. близ Ростова, Солженицын был арестован в 1945 г. и приговорен к восьми годам лагерей за критику Сталина. После освобождения у него был обнаружен, если верить диагнозу, далеко зашедший рак, над которым он одержал победу. В 1962 г., в краткую пору культурной «оттепели», ему удалось напечатать в советском журнале «Новый мир» опровергающий все запреты рассказ «Один день Ивана Денисовича». В конце 60-х — начале 70-х гг. были изданы — но уже только на Западе — и другие его произведения, в том числе романы «Раковый корпус» и «В круге первом». В 1974 г. появился — и тоже на Западе — «Архипелаг ГУЛАГ», монументальное трехтомное разоблачение советской системы рабского труда, в одиночку добившее остатки западных иллюзий по поводу великого коммунистического эксперимента.

В 1970 г. Солженицыну была присуждена Нобелевская премия, но ему не разрешили поехать за ней в Стокгольм. Находившийся всегда в напряженно-враждебных отношениях с советскими лидерами, для которых он был как заноза в боку («Этот хулиган Солженицын распоясался», — сказал о нем как-то Леонид Брежнев), Солженицын был, наконец, выслан в изгнание в 1974 году.

Счастливым избежавшим гибели на войне, в лагере, на больничной койке ракового корпуса и в многочисленных стычках с КГБ, Солженицын стал считать себя неким вестником Божиим. В своих «Невидимках», пятом дополнении к книге «Бодался теленок с дубом», написанном им еще в 1975 г., но только недавно опубликованном и посвященном отряду «невидимок», которые помогали ему в пору его подпольного писательства, он говорит о том, как писал «Архипелаг ГУЛАГ»: «...это был как бы даже

А.И.Солженицын. Вермонт (США), 80-е годы.

не я, меня несло, моей рукой писало, я был только бойком пружины, сжимающейся полвека и вот отдающей». Рассказывая в книге «Бодался теленок с дубом» о своих батальных с советскими бюрократами, ведавшими культурой, он писал: «...я в своей жизни эту направляющую руку, этот очень светлый, не от меня зависящий смысл привык с тюремных лет ощущать».

Но если его направляла рука Бога, то миссия, которую взял на себя Солженицын по Его воле, заключалась в том, чтобы свидетельствовать от лица своих собратьев-зэков, ибо он ссылался на бесчисленных узников советского ГУЛАГа. В «Теленке» Солженицын говорит, что исполнял «заветы миллионов погибших, тех, кто не дождался, не дохрипел своего на полу лагерного барака». И вот еще: «...лишь из того исходить постоянно, что я — не я, и моя литературная судьба — не моя, а всех тех миллионов, кто не доцарапал, не дождался, не дохрипел своей тюремной судьбы, своих поздних лагерных открытий».

Сам бывший зэк, Солженицын отождествляет себя с собратьями-узниками. Когда читаешь Солженицына, порой появляется ощущение, что, по страшной морали сталинского тоталитаризма, побывать зэком было как бы знаком высочайшего достоинства, тогда как остаться на воле означало, с одной стороны, сказочную удачу, а с другой — некоторую духовную неполноценность. Надежда Васильевна Бухарина, женщина, которая помогала Солженицыну, однажды сказала ему: «Я до смерти должна отслуживать, что в лагере не сидела».

Для Солженицына эзки были искупительной горсткой выжившей России, а он — их голосом. Но он чувствовал себя выразителем еще одной линии — всей традиции русской литературы. Не советской — той, что неизменно зависела от идеологии, должна была поддерживать государство, партию и весь гротескный аппарат коммунизма, но, напротив, русской литературы, представленной Толстым, Достоевским, Чеховым, Пастернаком и другими, ни от чего не зависимыми, кроме собственной свободы духа, бывшими в долгу лишь перед правдой сложности человеческого характера.

Именно на этом достоинстве Солженицын настаивал в годы подпольного своего писательства. О своем расхождении с редактором «Нового мира» Александром Твардовским он писал так: «Советский редактор и русский прозаик, мы не могли дальше прилепать

локтями, потому что круто и необратимо разбежались наши литературы».

Таковы и были два полюса его миссии — стать голосом зэков и востребовать наследственную традицию русской литературы. В книге «Бодался теленок с дубом», снова и снова вспоминая свои мысли о том, что была эта задача ему по нраву, Солженицын пишет: «...зачем должна была рухнуть работа? — не моя же собственная, но — почти единственная, уцелевшая в памяти правды?» Была ли это «его» или «не его» работа, Солженицын определенно чувствовал, что ответственность за судьбу истины и, вероятно, самой России легла на его плечи. «...каждому после

меня еще тяжелее будет раскапывать, чем мне; а те, кто жили раньше, — не сохранились, не сохранили или писали совсем не о том, чего будет жаждать Россия уже невдолге».

Справедливо ли то, что он говорит, или он преувеличивает драматичность ситуации? На чисто практическом уровне то, что совершил Солженицын, написав свои книги в тяжчайших обстоятельствах, — поразительно. Работая потаенно, он к пятидесяти годам сумел создать целую литературу — рассказы, романы, поэмы и обширный исторический роман (законченный им уже в Соединенных Штатах). Мельчайшим почерком, не оставляя полей, чтобы не тратить зря драгоценную бумагу, он строил что-то на своих фантастических клочках бумаги. В «Невидимках» он описывает свой распорядок дня и режим во время работы над «Архипелагом ГУЛАГ». Он вставал в час ночи и работал до девяти часов утра, потом брался за новую порцию работы, ужинал в 6 вечера, спал с семи до часу и снова начинал работу.

И все это в ожидании, что КГБ постучит в его дверь. Ему приходилось прятать рукописи не только от властей, но и от первой своей жены, на которую больше нельзя было положиться, и, ложась спать, он иногда ставил вилы рядом с койкой. И все же он непрестанно продолжал работу, не получая помощи ни от редакторов, ни от издателей и не имея никакой уверенности в том, что эти вновь и вновь перепечатываемые экземпляры его книг, которые уходили куда-то по ненадежным подпольным путям самиздата, увидят когда-нибудь свет.

Что касается самой сути его творений, то, хотя самые разные люди много понаписали всякого, что должно было поставить эти труды под сомнение, несомненным остается тот факт, что в плане того влияния, которое он оказал на историю, Солженицын — как написал недавно в «Нью-Йоркере» журналист Дэвид Ремник, «доминирующий писатель нашего столетия».

Он является тем, кем писатели так часто желают стать, но так редко становятся, — тем, что сам он назвал в романе «В круге первом» как бы вторым правительством. Один-единственный человек, без оружия, без партии и даже какого-либо движения за спиной, атакуя самый жестокий режим, какой только знал современный мир, он поставил его на колени.

Если учесть поразительно напряженную загрузку, с которой он работал в свои подпольные годы, не следует удивляться, что он жало-

вался в книге «Бодался теленок с дубом» на потери, которых это ему стоило как писателю: «От написанных мною вещей — и при полной их безвыходности, я стал ощущать переполнение, потерял легкость замысла и движения. В литературном подпольи мне стало не хватать воздуха». Правда, в своем подполье он вкушал абсолютную свободу, ему не приходилось думать ни о редакторской, ни о правительственной цензуре. И все же в плане сугубо литературном здесь был свой «постоянный ущерб».

«Десять и двенадцать лет пиши в глухом одиночестве, незаметно распясываешься, начинаешь прощать себе, да не замечать просто: то слишком резкой тирадой; то пафосного восклица; то пошловатой традиционной связки в том месте, где более верно крепление не нашел».

Из-за чрезвычайных условий, в которых были созданы произведения Солженицына, трудно судить их по обычным литературным меркам. Норман Подгорец поместил, например, две главные документальные книги Солженицына, «Архипелаг ГУЛАГ» и «Бодался теленок с дубом», в число «величайших книг нашего века». Однако романы и рассказы Солженицына (одни в большей, другие в меньшей степени) являются, по его мнению, неудачей. «Несмотря на то, что все в них правильно, им все-таки не удается стать жизнеспособными».

Это мнение о прозе Солженицына более убедительно, чем позиция ортодоксальной критики, продолжающей высоко оценивать «Один день Ивана Денисовича» и считающей «В круге первом» и «Раковый корпус» важными произведениями традиционной реалистической прозы. Во всяком случае, они с несомненностью отражают собственный, довольно узкий взгляд Солженицына на назначение литературы.

Он сделал попытку писать толстовскую прозу, однако писал ее под влиянием морализаторского кодекса, принятого самим Толстым в ту пору, когда его лучшие произведения уже были написаны и он от них отрекся. «Нельзя подходить к литературе, не принимая на себя нравственной ответственности за каждое написанное слово», — сказал Солженицын Дэвиду Ремнику, который добавляет, что Солженицын «не допустил бы никаких литературных экспериментов ради самих экспериментов и наслаждения литературой как самоцели литературы».

Каждое произведение Солженицына несет идею, и идея эта всегда имеет политический характер, начиная с «Ивана Денисовича», который имел целью разоблачить жестокость лагерей рабского труда, и кончая попыткой рассказать подлинную историю русской революции в «Августе Четырнадцатого» и следующих томах «Красного колеса». Эти произведения не поддаются оценке на чисто эстетическом или даже на преимущественно эстетическом уровне. Их, пожалуй, лучше оценивать с той точки зрения, насколько хорошо они выражают идею — другими словами, в какой степени они выполняли миссию, возложенную на себя Солженицыным.

Эта миссия еще шире, чем можно было бы предположить. Разрушение коммунизма оказывается лишь частью этой миссии.

Здесь мы ступаем в сложную — можно сказать, конрадовскую — сферу русского мистицизма. Мистицизмом я считаю идею Солженицына о том, что в русском духе сокрыты тайны, которые, возможно, послужат лекарством от духовной пустоты Запада. «Надежды на Запад — не было, как впрочем и не должно быть у нас никогда», — писал Солженицын в «Теленке».

(...) Если будет у человечества урок XX века, то дадим его Западу